

Интервью Дэвида Годмана для Виорики Вейссман

Несколько лет назад мой друг из Румынии Виорика, которая занималась переводом литературы о Рамане на румынский язык, попросила меня дать ей интервью путём переписки по электронной почте. Она собиралась затем использовать это интервью в качестве вступления к одной из книг, готовившихся к изданию на румынском. Мы начали с вопросов о первых годах моей жизни в Тируваннамалае, но со временем этот проект как-то сам по себе затух, не придя ни к какому логическому завершению. И вот насколько далеко нам удалось в нём зайти...

Вопрос: Не могли бы вы описать ваше первое посещение Шри Раманашрама? Самый первый день – время суток, первые ощущения, чувства, события, первых людей, встреченных вами в этом месте, первые впечатления, ожидания, разочарования, переживания и так далее?

Дэвид: Когда я впервые приехал в Тируваннамалай, у меня не было никакого понятия о том, что меня здесь будет ожидать. Мои первые книги о Рамане – те, чьим автором был Артур Осборн – я нашёл в университетском книжном магазине в 1974 году. Я попросил одного из сотрудников магазина заказать все остальные книги о Бхагаване, список которых приводился в приложениях, однако магазин так и не получил ответа от Раманашрама, издателя этих книг. Из этого я заключил, что ашрама больше не существует. Книги, которые я прочёл, впервые увидели свет в начале 1950-х гг. Я решил, что после смерти Бхагавана ашрам прекратил свою деятельность в качестве учреждения, открытого для посещений и проживания на его территории.

Учитывая тот факт, что я понимаю, что именно таким был тогда ход моей мысли, сейчас, глядя назад, я нахожу странным, что я был настолько решительно настроен ехать в Тируваннамалай. Я проделал путь из Англии в Индию по суше, путешествуя на автобусах и поездах, и это путешествие заняло немногим более двух недель. По пути я не задерживался в слишком многих местах. До этого я уже ездил в Индию сухим путём в 1972 году, месяцами наслаждаясь всеми местами, которые я проезжал. В этот же раз я знал, что я просто хочу быть в Индии. В 1970-х гг. сухопутный переезд стоил намного дешевле, чем билет на самолёт. Больших денег у меня не было, но я хотел, чтобы моё пребывание в Индии длилось как можно дольше.

По прибытии в Дели я узнал, что в ближайшие две недели попасть на поезд в Ченнай будет невозможно. Места во всех поездах были забронированы в связи с летними каникулами. Это был май 1976 года. Лето было в разгаре и у меня не было никакого желания две недели томиться в четырёх стенах в Дели, дожидаясь поезда.

Я отправился в книжный магазин «Мотилал Банарсидас», который находился в Старом Дели, и там, к моему восторгу, нашёл все те книги, информацию о которых до этого я встречал лишь в справочных разделах книг Осборна. Я купил около десяти книг, изданных ашрамом, среди которых были

«Беседы со Шри Раманой Махарши», «День за днём с Бхагаваном», «Письма из Шри Раманашрама» и другие. Оснащённый рюкзаком, полным захватывающего материала для чтения, я сел на автобус до Манали, горной станции к северу от Дели. Думаю, что на поездку ушло около четырнадцати часов, но это вполне того стоило. В итоге я очутился на почти двухкилометровой высоте на горе, в окрестностях которой в те дни располагалась маленькая деревушка. Я снял комнату примерно в трёх километрах от Манали и провёл 10-12 чудесных дней, сидя в горах и лесах и упиваясь праздником той литературы о Шри Рамане, из которой до этого я никогда ничего не читал. Иногда люди спрашивали меня, почему я приехал в Индию. И, когда я им отвечал, что я совершаю паломничество в Тируваннамалай, среди них не находилось ни одного человека, слышавшего когда-либо об этом месте или о Бхагаване.

Я помню одного *садху*, который после того, как я показал ему одну из книг о Бхагаване, «выругал» меня за высокомерие, заявив, что я являюсь типичным иностранцем, думающим, что он знает всё. Всё, что я сделал – это показал ему книгу и сказал, что я еду в ашрам Раманы Махарши. Он понятия не имел, кем был Бхагаван, однако его это не волновало.

Поездка на поезде Дели-Ченнай продлилась пятьдесят пять часов, что было намного дольше, чем обещало расписание. Поезд часами стоял, или скорее застревал, во множестве глухих поселений. Я сидел на верхней полке примерно в полуметре от железной крыши и читал свои книги. Каждый раз, когда поезд останавливался, жар, излучаемый крышей, заставлял меня взмокать от пота в считанные секунды. Потолочным вентиляторам было просто не под силу с ним справляться. Ко времени прибытия в Ченнай я был уже неспособен совершить очередной переезд и поэтому на сутки снял номер в дешёвой гостинице возле железнодорожного вокзала.

В какой-то момент в течение дня моего восстановления я оказался на пляже, где занялся чтением одной из моих книг о Рамане. Ко мне подошёл незнакомец, заметивший что именно я читаю, и завёл со мной разговор. Он сказал, что несколько недель назад он сам побывал в Раманашраме. На тот момент моё путешествие длилось уже намного больше месяца. Я проехал около десяти тысяч километров и от моей цели находился всего в пятичасовом автобусном переезде. Однако, по сути, это было первым подтверждением того, что действительно существует место, называемое Раманашрам и открытое для преданных. Я знал, что там должна быть могила, которой я мог поклониться, однако в тот раз я впервые получил информацию о том, что там находится также и действующий ашрам.

На следующий день я сел на автобус, отправлявшийся рано утром. У меня не было никакого представления о том, сколько времени должна длиться эта поездка, и в течение нескольких часов на дороге не появлялось ни одного знака, который бы указывал расстояние до Тируваннамалай. Однако, как только автобус проехал Тиндиванам, указатели расстояний до Тируваннамалай (и других городов этого маршрута) стали появляться каждые несколько минут. Я до сих пор помню, как нарастало моё волнение по мере того, как происходил обратный отсчёт: 35 км, 28 км, 24 км и так далее. Теперь я знаю, что с дороги Аруначала видна уже с 24-километрового расстояния, однако в мой первый

приезд я не был уверен, что вижу именно её. Когда расстояние сократилось до однозначных чисел, я понял, что я действительно впервые вижу Аруначалу.

Из старой автостанции (рядом с которой сейчас находится железнодорожный вокзал) я вышел в город и пообедал. Это было 17-го июня 1976 года. Обедал я в заведении под названием «Современное кафе», которое не исключено, что действительно было современным лет пятьдесят назад, но в тот день, когда я приехал, оно было лишь душным и убогим. Однако меня это не беспокоило. Я понимал, что я нахожусь всего в нескольких минутах от Раманашрама. Думаю, что я бы отправился туда пешком, если бы знал, где он находится. Когда я был молод, я любил ходить пешком везде, даже в палящий зной с тяжёлым рюкзаком. Но вместо этого я окликнул велорикшу, который медленно повёз меня через город.

Я продолжал внимательно осматриваться по сторонам, отыскивая хоть какой-нибудь знак, говорящий о том, что я приближаюсь к моей цели. Первым таким знаком стал рисованный щит, указывающий на боковую дорогу. На нём было написано: «Ма Талейяркхан». Я вспомнил это имя, встреченное в одной из книг Осборна, и, как только это произошло, всё моё тело содрогнулось. Я понял, что я был уже близко.

И, поскольку от этого знака до ашрама было всего около двухсот метров, вскоре я оказался в офисе, где спросил, не могу ли я остаться.

– На какое время? – задали мне вопрос.

– На несколько недель, – ответил я.

И тут же внезапно весь офис взорвался хохотом. Думаю, всех их развеселило нахальство этого иностранца, который пожелал остаться на столь длительный срок, едва успев войти. Тогда я ещё не знал, что существовало правило, по которому новым людям, с которыми администрация не была знакома, разрешалось оставаться только на три дня. Сейчас это уже не разрешается никому, если только человек не предупреждает о своём приезде заранее в письменном виде. В то время офис занимал всего одну комнату, в которой три или четыре работника сидели со скрещенными ногами на полу за низкими покатыми столами. Каждый из них слышал, что происходит у других его коллег.

Когда смех умолк, мне было сказано: «Три дня», и затем был вызван человек, чтобы отвести меня в мою комнату. Мне досталась комната, в которой позднее много лет провели Баларам Редди и Венкатараман (президент ашрама). Когда в ней жил я, она была намного примитивнее. Там была кровать и вентилятор, но не было ни ванной, ни туалета.

Ради этого паломничества в Индию я отложил все свои дела. Чтобы добраться до этого места, я потратил недели, и всё это только для того, чтобы мне было сказано, что я могу провести здесь всего лишь три дня. Однако меня это почему-то нисколько не задело. Ашрам самим фактом своего существования превзошёл все мои ожидания. Пока я путешествовал по Азии, меня снова и снова посещали фантазии о том, как я приеду в Тируваннамалай и начну прочёсывать джунгли в поисках могильного камня с высеченным на нём именем Бхагавана. Поэтому я был рад, что это учреждение продолжало существовать, даже несмотря на то, что по отношению к новым людям оно было не слишком гостеприимным.

Спустя несколько минут после того, как меня провели в мою комнату, я уже ходил по ашраму в поисках *самадхи* Бхагавана. Я хотел как можно скорее отдать ему дань уважения и сообщить о своём прибытии. К несчастью, была середина дня. Все большие строения были заперты, и ни на одном из них не было каких-либо обозначений. Обозначения появились только в 1980-х гг. Те несколько человек, которых я увидел, лежали, вытянувшись во весь рост, на земле, проводя таким образом свою обычную сиесту. Было около двух часов пополудни жаркого летнего дня. Не видя никаких признаков возможной помощи и никого, кто бы мог подсказать мне путь, минут пятнадцать я бродил скорее бесцельно, пытаясь разобраться, чем бы могло быть каждое из строений. Мои шансы были довольно ограниченными, поскольку я совершенно не представлял, как может выглядеть индуистское *самадхи*. В итоге – я всегда смеюсь при воспоминании об этом – за *самадхи* Бхагавана я принял самадхи Чиннасвами. Я подошёл к нему и выполнил перед ним полное простирание. Если бы на тот момент в ашраме находилось больше сведущих людей, то я уверен, что этот поступок был бы встречен ещё одной порцией хохота.

Во время этого обхода, когда я озадаченно разглядывал строения ашрама, мне встретился ещё один иностранец, который, казалось, занимался примерно тем же. Мы столкнулись в том месте, которое находится между дверью кухни и входом в кладовую. Он хотел попытаться найти Скандашрам и спросил меня, не хочу ли я к нему присоединиться. Сейчас, когда я рассказываю об этом, меня удивляет, что полуторакилометровый подъём на гору в жаркий летний день показался мне приятным и привлекательным времяпрепровождением. Я прямо подпрыгнул от такой удачи.

Я не могу припомнить, как или у кого нам удалось узнать дорогу, но уже вскоре мы были на горе. Также я не многое помню о самом походе, но зато хорошо помню, что в Скандашраме я сидел и медитировал около получаса. Думаю, что тогда эмоционально я был слишком возбуждён, чтобы пережить настоящий покой, однако этот случай всё равно остаётся для меня волнительным и памятным. Я установил связь с Бхагаваном, ошибочно простёршись *перед* самадхи Чиннасвами, и я установил связь с Аруначалой, прогулявшись по её склонам и помедитировав в Скандашраме. И можно сказать, что этот день и моё прибытие получили таким образом своё завершение.

У меня осталось мало воспоминаний о тех первых трёх днях. Я хорошо помню почти пустую столовую, которая всё так же делилась на две части – для браминов и не-браминов, как это было ещё при жизни Бхагавана. Думаю, что на стороне, отведенной для не-браминов, находилось, наверное, лишь двенадцать-пятнадцать человек. Тогда не было так, как сейчас, когда во время каждого приёма пищи здесь кормят сотни людей. И ещё я помню, как я открыл для себя старый холл и как меня потянуло к нему, словно утку к воде. В первые месяцы моей жизни у Аруначалы большую часть времени я проводил там.

На второй день я встретил Раджу Айяра, пожилого начальника почтового отделения. Помня, что мне нужно найти жильё за пределами ашрама, я попросил его показать мне окрестности. В итоге, после того, как я просмотрел несколько вариантов, меня приняла Люсия Осборн, предоставив мне комнату в задней части своего дома за 30 рупий в месяц. Я прожил там полтора года.

Вопрос: Ваше путешествие в Тируваннамалай говорит о вашей твёрдой решимости попасть в Раманашрам. Когда у вас спросили, как долго вы хотели бы оставаться в ашраме, вы ответили: «Несколько недель». Каковы были ваши планы и ожидания в отношении этих нескольких недель, которые вы собирались там провести? Были ли у вас вообще какие-либо планы? Какой в тот момент вы видели свою будущую жизнь в Индии? Что именно вы искали? Чем это всё обернулось на самом деле? Я потому об этом спрашиваю, что эти «несколько недель» выросли в итоге до размеров целой жизни.

Ответ: Не думаю, что у меня были какие-либо ожидания, поскольку я понятия не имел, чего мне следует ожидать. «Несколько недель» – это было немного условно. Я считал, что я не могу себе позволить оставаться там намного дольше, и я определённо не ехал туда с какой бы то ни было идеей о том, чтобы там поселиться. У меня на тот момент было несколько месяцев свободного времени, какие-то деньги в кармане и желание установить связь с Бхагаваном.

Предшествующий этому год я в основном провёл в Ирландии, занимаясь само-исследованием в маленьком съёмном доме и самостоятельно выращивая большую часть моей пищи. Мне пришлось оставить это место по той причине, что моя арендодательница, уехавшая со своим мужем в Австралию, востребовала этот дом обратно. С её мужем произошёл несчастный случай, имевший тяжёлые последствия, при этом у него не было медицинской страховки, так что она была вынуждена продать свой дом, чтобы иметь возможность оплачивать счета. Я уехал на несколько месяцев в Израиль в основном потому, что не хотел проводить холодную и влажную зиму в Англии или Ирландии. В моих планах было найти себе другой дом в Ирландии после того, как закончится моё пребывание в Израиле и завершится паломничество в Индию.

Что я искал? Не думаю, что я искал что-то определённое. Я просто испытывал непреодолимое стремление приехать в Тируваннамалай, чтобы установить связь с местом, где Бхагаван прожил большую часть своей жизни. Теперь, по прошествии какого-то времени, кажется, что с моей стороны это был странный и эксцентричный поступок. Я уверен, что на тот момент у меня были причины, делавшие его для меня совершенно осмысленным, однако, глядя на те времена сейчас, я не могу вспомнить ни одной вразумительной.

Теперь задним числом я бы сказал, что сюда меня притянула Аруначала, и какими бы ни были мои обоснования на тот момент, они были лишь попыткой моего ума дать происходящему связное объяснение и найти ему оправдание.

Я помню, что однажды Бхагаван сказал посетителю, что всех, включая его самого, привела сюда именно сила Аруначалы. Когда эта сила заявляет о себе, наш мозг может думать о некоем разумном обосновании или причине, оправдывающей поездку к Аруначале, однако настоящей причиной нашего путешествия является именно эта притягивающая сила горы.

Для некоторых из нас пребывание здесь предусмотрено сценарием, *прарабдхой*. Тело и ум почувствуют влечение, начнут движение в этом

направлении, после чего мы придумаем рациональное объяснение, оправдывающее это путешествие.

В течение нескольких последних лет в области наук, изучающих нервную систему, был проведен ряд интересных экспериментов. Существует возможность контроля отделов мозга, заставляющих тело совершать действия, при одновременном слежении за другими участками мозга – теми, которые принимают решение о совершении действий. К великому изумлению учёных, было обнаружено, что тело начинает выполнять действие за несколько секунд до того, как в мозге возникает решение об этом. Для нашей веры в свободную волю это является тревожным сигналом. По-видимому, тело имеет сценарий, в соответствии с которым оно начинает выполнять свои действия до того, как их «решает» выполнить наше внутреннее «я». Если эти эксперименты выдержат проверку временем, то они действительно наглядно подтвердят тот факт, что идея «я делатель» является искусственной концепцией, то есть тем, что существует лишь для поддержания ошибочного мнения о том, что мы отвечаем за свою судьбу и можем делать выборы и принимать решения, касающиеся наших поступков.

Таким образом, некая сила притянула меня сюда и задержала здесь, а моему уму пришлось лишь бежать позади, ища всему этому объяснения.

Мне не потребовалось много времени, чтобы полюбить это место. Понимание, что я хочу оставаться здесь как можно дольше, пришло очень быстро. Опять же, я не знаю, почему. Однако в противовес этому снова и снова возникало чувство: «У меня нет достаточных денег. Рано или поздно мне придётся вернуться домой».

Но планы судьбы были другими. И в какой-то момент первого года моей жизни в этом месте во время обхода *самадхи* Бхагавана на меня неожиданно снизошло озарение: «Мне не нужно ехать домой. Мой дом здесь. Мне вообще никуда не нужно ехать».

Это было так, как будто с моих плеч неожиданно сняли огромную тяжесть. Мне никуда не нужно было ехать, потому что я уже нашёл дорогу «домой».

Когда я жил в Лакнау, там была одна женщина по имени Альмира, которая ради того, чтобы быть рядом с Пападжи, приехала с Гавайских островов. Она приехала на несколько недель, затем захотела задержаться дольше, но у неё был авиабилет, использовать который она могла только в течение определённого срока.

Когда она рассказала об этом Пападжи, он просто сказал:

– Твой билет просрочен.

– Нет, – возразила она, – он ещё действителен. Я могу вам его показать.

Когда же она его достала, он отказался на него смотреть. Когда она попыталась заставить его прочесть дату, он отмахнулся. Он лишь повторил своё заявление:

– Твой билет просрочен.

В конце концов Альмира решила, что пусть срок действия её билета истекает, а она ещё поживёт в Лакнау.

Когда она сообщила о своём решении Пападжи, он сказал:

– Вот видишь, я же тебе говорил. Твой билет просрочен.

Сроки не имеют ничего общего с календарём. Просто Пападжи знал, что ей было суждено оставаться в Лакнау. И она оставалась там более пяти лет и не уезжала до самой его смерти.

У меня не было бумажного билета, но была такая же навязчивая идея о том, что через несколько недель после приезда я должен буду уехать. Я отложил достаточную сумму на обратную дорогу в Англию и решил, что я куплю обратный билет, как только у меня закончатся деньги на жизнь в Тируваннамалае. Тот момент в *самадхи*-холле растворил слой ментального беспокойства, который я сам в себя заложил: что мне придётся уехать тогда, когда у меня не будет такого желания, и что время моего пребывания у Аруначалы ограничено.

Думаю, что многие из нас тратят массу времени и энергии, мучаясь над выборами и решениями, поскольку мы считаем, что именно мы в ответе за то, что с нами происходит, и к тому же верим, что мы должны планировать и разрабатывать схемы, чтобы изменять наши жизненные обстоятельства или поддерживать их в существующем состоянии.

Однажды Рамасвами Пиллай обратился к Бхагавану с таким вопросом:

– Жизнь полна кажущихся выборов. Мы тратим много энергии, раздумывая над тем, как нам следует поступать. В тот момент, когда возникает вариант для возможного выбора, как нам понять, является ли он тем, на чём мы должны остановиться, или он только зря заберёт наше время и уведёт нас в ложном направлении?

Перед тем, как я скажу, что ответил Бхагаван, я должен объяснить, что в Тамил Наду судьба часто ассоциируется с грузом, который человек несёт на своей голове.

Бхагаван ответил ему так:

– Сбрось его на землю три раза. Если он трижды запрыгнет обратно, то тогда это то, с чем ты должен будешь иметь дело.

Если у нас есть ум, то мы не можем знать, что нам предначертано судьбой. Это может видеть и знать *джняни*, и он даже может нам об этом сказать, если нам повезёт. Всем же остальным приходится идти, спотыкаясь – разрабатывая планы и считая себя ответственными за будущие события.

Мне судьбой было предназначено жить в Тируваннамалае. Один только ретроспективный взгляд на прошлое говорит мне об этом. Я «сбрасывал это со своей головы» несколько раз, но оно постоянно запрыгивало обратно. Несколько раз я пытался жить в других местах, однако это никогда не длилось долго. Раньше или позже, но я всегда оказывался здесь – у подножия Аруначалы.

Вопрос: Где-то вы рассказывали о том, что, когда вы ещё жили в Англии, перед первым посещением Шри Раманашрама вы познакомились с учением Раманы Махарши, благодаря книге Артура Осборна «Учение Шри Раманы Махарши, изложенное его собственными словами». И – о чудо! Впервые приехав в Тируваннамалай и прожив три дня в Раманашраме в качестве новоприбывшего, в течение следующих полутора лет вы жили в доме Артура Осборна, который покинул этот мир несколькими годами ранее. И с тех пор вы пишете о жизни, учении и преданных Шри Раманы. Со стороны, принимая во внимание ту

работу, к которой вы оба имеете отношение, кажется, что вам было назначено судьбой заниматься тем же, чем занимался Осборн, продолжая, таким образом, его деятельность. Я поражена таким стечением обстоятельств. Складывается впечатление, что, рассмотрев несколько вариантов и остановив свой выбор на комнате в доме Люсии Осборн, вы, по сути, выбрали роль продолжателя дела Артура Осборна. Не могли бы вы рассказать нам больше о том периоде вашей жизни? И было бы также интересно больше узнать о жизни Люсии Осборн.

Ответ: Прежде всего, я не «выбирал» оставаться в доме Осборна. Как я уже сказал ранее, Раджа Айяр познакомил меня с несколькими людьми, жившими рядом с ашрамом, среди них была и Люсия Осборн. Затем уже она провела меня по близлежащим местам и показала дома, где сдавалось жильё. С некоторыми владельцами тех самых разнообразных комнат, которые мы просмотрели за время нашего короткого обхода, нам пообщаться не удалось, но миссис Осборн пообещала сделать это за меня. В то время было совсем мало таких мест, где можно было остановиться, может быть, четыре или пять, и в общей сложности там сдавалось около десяти комнат. Однако в те дни это не было большой проблемой, поскольку тогда редко набиралось более десяти человек, желавших снять комнату вблизи от ашрама. Думаю, что, когда я приехал, рядом с ашрамом жило, наверное, только пять или шесть иностранцев. В течение следующего года или около того их набиралось не намного больше, даже зимой, когда сюда приезжает большинство людей.

После просмотра вариантов миссис Осборн просто сказала:

– Когда вы будете выселяться из ашрама, приносите ваши вещи сюда, и я покажу вам, какую комнату я для вас выбрала.

В день выселения из ашрама после обеда я пришёл. Около часа мы сидели, беседуя, на её веранде, и я всё недоумевал, когда же мы перейдём к тому, чтобы мне было показано, где я этой ночью буду спать. Наконец, она сказала:

– Пойдёмте со мной.

И отвела меня в комнату, располагавшуюся в задней части её дома, о существовании которой мне до тех пор ничего не было известно.

– Вы можете остановиться здесь, – сказала она. – Это стоит 30 рупий в месяц.

Я принял предложение и сразу же вселился. Вспоминая всё это сейчас, я думаю, что тот час нашего общения был своего рода собеседованием, которое я в конечном итоге успешно прошёл. Если бы я его провалил, то возможно, что меня отвели бы в какое-нибудь другое место из тех, что были мне показаны во время моего первого визита. Поэтому, думаю, точнее было бы сказать, что это она меня выбрала, а не наоборот.

Вы сказали: «Складывается впечатление, что, рассмотрев несколько вариантов и остановив свой выбор на комнате в доме Люсии Осборн, вы, по сути, выбрали роль продолжателя дела Артура Осборна».

Только что я объяснил, что это не я выбрал дом Осборна, чтобы в нём остановиться. И думаю, что верно также и то, что я не выбирал продолжать литературную работу Осборна, связанную с Бхагаваном. В течение полутора лет жизни в этом доме я не писал ничего, кроме редких писем. Часто по

вечерам я слышал, как Люсия Осборн стучит на своей старой пишущей машинке, работая над завершением автобиографии, начатой Артуром – труда, остававшегося далёким от завершения, когда он ушёл из жизни в 1970 году. Однако это никак не вдохновляло меня на какое-то моё собственное писательство. Более того, я помню, как однажды я сказал миссис Осборн, что кажется, что каждый, кто приезжает в Раманашрам, думает, что он или она должны написать книгу о том, что происходило, пока они здесь находились. Думаю, что тогда я считал немного смешным тот факт, что так много людей зажигается идеей описания своих переживаний. Я, конечно, прочёл работы всех преданных, издававшиеся в то время, однако мне самому ни разу не пришла мысль о том, что я должен сделать некий собственный вклад.

Я не писал ещё как минимум год со времени выселения из этого дома. На добровольных началах я вызвался следить за библиотекой ашрама. Многие из новых книг дарились ашраму теми издателями, которые хотели, чтобы рецензии на их книги были опубликованы в журнале «Горный путь». Я стал заниматься разделом книжных рецензий в этом журнале и иногда писал рецензии сам – просто ради уверенности в том, что ашрам будет хорошо обеспечен новыми книжными поступлениями.

Примерно в 1979 году в ашрам приехал профессор К. Свамнатан, на тот момент член редакционного совета «Горного пути». У него тогда начиналась катаракта, и ему трудно было читать. Он попросил меня прочитать ему вслух один из представленных на рассмотрение материалов. Когда я прочёл ему написанную мной рецензию – очень короткую, всего, может быть, в два абзаца – он принялся на все лады её расхваливать. Затем он скрылся в офисе ашрама и, выйдя оттуда через пять минут, сообщил, что теперь и я вхожу в редакционный совет. Но даже тогда у меня не возникло мысли о том, что я должен написать что-то своё.

Спустя примерно год после этого, Нисаргадатта Махарадж спросил у меня, чем я занимаюсь в Раманашраме. И когда, перечисляя виды своих занятий, я упомянул среди прочего написание рецензий, он сверкнул на меня глазами и сказал с большим нажимом:

– Почему ты не пишешь об учении? Писать об учении – это очень важно.

Помню, что меня это весьма удивило, во-первых, потому что побуждать людей писать было ему несвойственно, и, во-вторых, потому что мне никогда не приходило в голову, что я должен что-то рассказывать о его учении или об учении Бхагавана. Оглядываясь назад с позиции сегодняшнего времени, я допускаю, что он видел, что с работой в этой области каким-то образом была связана моя судьба, и, делая столь настоятельную рекомендацию, он, возможно, полагал, что он подталкивает меня в правильном направлении.

Возвращаясь к вашему предложению поделиться воспоминаниями о Люсии Осборн, я должен сказать, что за те полтора года, которые я провёл в её доме, я узнал о ней очень мало. Но не потому, что она была замкнутой или не хотела общаться; причина состоит в том, что в то время я очень мало интересовался личными историями преданных, которых я встречал. В те дни меня окружало очень много людей, с которыми я бы мог общаться и от которых мог получать полезную информацию, но мысль о том, чтобы попросить их рассказать о времени, проведенном рядом с Бхагаваном, просто никогда не

приходила мне в голову. К примеру, Садху Натанананда жил метрах в пятидесяти от меня, когда я снимал жильё в доме Осборна, но я ни разу с ним не говорил. Мы встречались на улице, когда направлялись каждый к своему дому, иногда безмолвно приветствовали друг друга кивком головы и затем расходились в разные стороны. Впервые я услышал его речь около двух недель назад во время просмотра старого французского документального фильма об Индии, снятого Луи Малем в 1960 году, в котором несколько минут посвящены Раманашраму. В этом фильме Садху Натанананда кратко рассказывает об учении Бхагавана.

Когда я поселился в Раманашраме в конце 1970-х гг., моя комната оказалась расположенной рядом с комнатой С. С. Коэна. И здесь было то же самое. Время от времени я с ним здоровался и иногда спрашивал о его самочувствии, поскольку он был уже пожилым и слабым, но никогда не просил его рассказать о его жизни рядом с Бхагаваном.

Когда я впервые приехал в ашрам в 1976 году, я поинтересовался у него, откуда он родом.

Он засмеялся и ответил:

– Последний раз, когда я там был, это место называлось Турецкой Месопотамией.

Из этого я заключил, что он жил в Ираке периода, предшествующего Первой мировой войне, в той его части, которая находилась под управлением древней Османской империи. Этим мои исследования и ограничились.

Я начинаю жалеть о том, что в первые годы моей жизни в ашраме у меня совершенно отсутствовало любопытство. Позвольте мне пояснить на примере, почему теперь это меня огорчает. Я начал исследование жизни Мориса Фридмана и надеюсь написать о нём книгу, если соберу достаточный материал. Он был преданным польско-еврейского происхождения, и такое же происхождение имела Люсия Осборн. Он много раз посещал Осборнов и, несомненно, рассказывал им множество историй о Бхагаване и жизни в Польше в двадцатые и тридцатые годы. Но у меня никогда не возникало мысли, чтобы кого-то о нём порасспрашивать. С. С. Коэн, который тоже был евреем, также был хорошо знаком с Морисом. Когда Морис жил в Веллоре, городе, расположенном примерно в 80-ти километрах к северу от Тируваннамалай, Коэн был местным охранником приёмной дочери Мориса, Мэгги, учившейся в то время в веллорском Христианском медицинском колледже. Я уверен, что он снабдил бы меня огромным количеством информации о Морисе, потрудись я затронуть эту тему. Далее, был ещё один преданный Бхагавана из Бангалора по имени К. Рамасвами. Он был одним из самых давних друзей Мориса, и он был с Морисом в момент его смерти в Бомбее в 1976 году. В 1930-х гг. он работал на электропромышленном предприятии, которым руководил Морис от имени махараджи Мисора. Я был хорошо знаком с Рамасвами и даже несколько раз бывал у него в гостях в Бангалоре. Однако, как и в случаях с другими людьми, которых я упоминал, у меня не возникло идеи о том, чтобы попросить его поделиться какими-нибудь историями или какой-нибудь информацией о Морисе.

Последние несколько месяцев я закидываю свои сети во всех направлениях в поиске тех, кто хоть как-то был лично связан с Морисом. Мне

удалось найти нескольких пожилых людей, некоторым из них уже за девяносто. Моя работа намного бы упростилась, воспользуйся я теми возможностями, которые были мне доступны в 1970-х и начале 1980-х годов.

Единственную историю, услышанную мной о Фридмане от старых преданных, живших в ашраме в 1970-х гг., сообщил мне Вишванатха Свами, ещё один человек, с которым теперь, задним числом, я желал бы общаться больше в те годы. Однажды он случайно заметил, что Фридман был в каком-то смысле отъявленным шутником и что однажды он забрался на дерево илуппай, растущее рядом с воротами ашрама, и стал что-то бросать на головы преданных, проходивших под ним. Однако это не такой уж большой улов историй, учитывая всё то богатство сведений, которое хранилось в памяти людей, живших здесь в те дни.

Поскольку вы спросили о Люсии Осборн, вот одна история, которая навсегда врезалась в мою память. Когда она решила выйти замуж за Артура, нееврея, её отец был так разгневан, что организовал в своём районе шествие и заставил в нём участвовать всех членов семьи. Он шёл впереди в сопровождении всей своей семьи, держа большой плакат, на котором было написано: «Люсия мне больше не дочь. С этого момента никто не должен произносить её имени».

Брак Люсии с Артуром спас её от Холокоста. К концу Второй мировой войны, когда Люсия жила в безопасности в Раманаашраме и ждала возвращения Артура из его интернирования в Таиланде, из всех людей, принимавших участие в том шествии, выжил лишь один человек.

Люсия не много рассказывала о своём прошлом. Именно эту историю мне рассказал Будай, польский сосед Люсии и частый её гость. Сам я узнал от неё не много. Я мог бы вам рассказать об особенностях её диеты, о том, что за тридцать три года её жизни в Индии у неё было тридцать кошек, что у неё было отравление свинцом из-за слишком частого использования красок на свинцовой основе в те годы, когда она занималась живописью, что она была любительницей гомеопатии и так далее. Я мог бы рассказать вам о массе повседневных, бытовых вещей, о которых я узнал за то время, пока жил с ней под одной крышей. Но вот чего я не могу вам рассказать, так это историй о ней и Бхагаване, а не могу потому, что каким-то образом так случилось, что я ни разу не удосужился спросить её об этом.

Вопрос: Не могли бы вы описать Шри Раманаашрам тех лет? Наверняка некоторые преданные, хорошо знавшие Шри Раману, продолжали там жить и после его *махасамадхи*. Некоторые из них являются достаточно известными людьми, поскольку их истории были опубликованы. Можете ли вы что-нибудь добавить от себя? Был ли кто-нибудь из них особенно вам близок? Отличалась ли как-то тогдашняя жизнь в ашраме от теперешней?

Ответ: В те дни жизнь и внутри, и снаружи ашрама была намного спокойнее и тише. Транспортное движение было небольшим, а общественный транспорт состоял в основном из велорикш, которые на сегодняшний день исчезли совсем. Авторикши тогда не были известны, и единственной альтернативой велорикшам были ещё остававшиеся в небольшом количестве двухколёсные

повозки, запрягаемые лошадьми. Мой друг, приехавший сюда в 1960-х гг., рассказывал, что в первые годы своей жизни в этом месте он чувствовал такую сильную сонливость во время летних послеполуденных походов в город за покупками, что просто укладывался прямо на одной из пустынных дорог и ненадолго засыпал. Не думаю, что кто-нибудь попытался бы проделать то же самое сейчас.

В первые годы после смерти Бхагавана здесь было даже ещё спокойнее. Чалам писал, что его дом был единственным домом в Рамана Нагаре, сдававшимся в аренду. В его записях говорится, что другие дома, будучи брошенными их владельцами, среди бела дня подвергались ограблениям, а по безлюдным улицам бродили леопарды. Насколько мне известно, это был последний раз, когда кто-либо писал о том, что в Тируваннамалае видели леопардов.

Каждый, кто живёт здесь давно, независимо от того, когда он приехал, знает, что, когда он приехал сюда впервые, здесь было намного спокойнее. С каждым годом это место становится всё более оживлённым и шумным. В начале 1930-х гг. Поль Брантон назвал Раманашрам «обителью в джунглях». Сейчас его уже никто бы так не назвал.

Примерно в 1980-м году я совершал *прадакшину* вместе с Садху Омом. Мы возвращались в Раманашрам по улице Паи Гопурам – дороге, которая проходит вдоль тыльной части храма, расположенного у подножья горы. Он рассказывал мне о том, что, когда он впервые приехал сюда в 1940-х гг., вдоль этой дороги не стояло ни одного дома. Сейчас это оживлённая городская улица. Канакаммал писала, что, когда она приехала сюда в середине 1940-х гг., между Тируваннамалаем и Раманашрамом рос лес.

Что касается ещё более отдалённого прошлого, то я помню, как Аннамай Свами рассказывал мне о том, что в 1930-х гг. в ашраме имелся только один велосипед, который предназначался для поездок в город. Когда ему нужно было пойти в Ади-Аннамай, чтобы заказать камень для построек ашрама, он пешком шёл около шести с половиной километров до находившегося там гранитного карьера, чтобы сделать заказ, а затем проходил эти шесть с половиной километров в обратном направлении, завершая свою *прадакшину* и возвращаясь домой. Как я уже сказал, несколько десятилетий назад темп здешней жизни был намного более медленным. Оглянитесь назад на столетие и вы увидите преданных, подобных Акхиландамме и Мастану, которые, чтобы увидеть Бхагавана, отправлялись в пешее 40-километровое паломничество, затем несколько дней служили Бхагавану, после чего так же пешком возвращались домой. Натешан, парикмахер Бхагавана, в день каждого новолуния отправлялся из Полура в 33-километровый поход, брил Бхагавану голову, совершал *прадакшину*, а затем таким же пешим ходом шёл домой. Он перестал выполнять эти ежемесячные походы, только когда ему было уже глубоко за семьдесят.

Я ходил пешком везде, когда приехал сюда впервые, для меня это не составляло никакого труда. Раз в неделю я отправлялся в город, чтобы закупиться всем необходимым. В то время я был немного *садху*. Думаю, что после приезда я годами совсем обходился без обуви и обычно носил только *дхоти*. У меня была борода, а летом я часто ходил раздетым до пояса.

Когда я приехал впервые, участок дороги *прадакшины* между Бангалорской дорогой и дорогой на Канджи всё ещё оставался глинобитным. Он был тихим и безлюдным. Там не было ни одного магазина, и даже храмы не использовались. Иногда можно было пройти километра полтора и больше, не встретив ни души. Полнолуния приходили и уходили, не привлекая никаких толп. Люди начали собираться лишь с середины 1990-х гг. Только что состоялась Читра Пурнима, которая является теперь вторым по значимости после Дипама фестивалем полнолуния, во время которого совершаются *прадакшины*. Я укрылся в своём доме, однако полиция сообщает, что здесь собралось и совершало обход горы около миллиона человек.

Мне вспоминается вечер одного Картикай Дипама в 1970-х гг. Дождь лил, как из ведра. Я одолжил зонт и выполнил *прадакшину* под непрекращающимся дождём. Видимость была очень плохой, но я думаю, что в тот вечер обход совершал, наверное, только один человек. Большинство паломников выполнило обход ещё с утра, однако меня всё равно немного удивляло то, что в тот вечер я был настолько одинок.

Дорога перед ашрамом продолжала оставаться грунтовой по меньшей мере до 1955 года. А сегодня уже трудно даже вообразить, что в 1950-х гг. главная трасса Пондичерри-Бангалор не была покрыта даже тармакадамом.

Я уже говорил, что в начале 1950-х гг. территория, прилегающая к Раманашраму, пребывала почти в полном запустении. Но затем потихоньку, понемножку преданные стали возвращаться обратно: одни – в свои оставленные дома, а другие – непосредственно в Раманашрам. Когда я приехал, в ашраме уже образовалась солидная община, в которую входили люди, чьи имена были известны каждому, кто читал книги Раманашрама. Шантаммал и Сампурнамма – две из тех вдовствующих браминок, которые при жизни Бхагавана работали на кухне, ещё жили здесь, хотя уже и не готовили. Натеша Айяр, ещё один бывший повар, присматривал за старым холлом, где я проводил очень много времени. Он носил с собой большую связку ключей, которые звенели, когда он шёл, из-за неконтролируемого дрожания его рук. Вишванатха Свами жил в одной из комнат медицинского блока. Двое из старых ассистентов Бхагавана – Кришнасвами и Сатьянанда Свами – всё ещё жили в хижинах рядом с Палакотту. У Кунжу Свами там тоже была хижина, но он сдавал её внаём. Он жил за пределами ашрама и поселился в нём снова лишь в середине 1980-х гг. Рамасвами Пиллай жил в гостевом комплексе «Морви» и был кем-то вроде дворника – он тщательно убирал все листья и поддерживал на территории чистоту и порядок. Раджа Айяр, вышедший на пенсию начальник почтового отделения ашрама, продолжал жить в ашраме. Он всегда был рад показать новым людям местные достопримечательности, а в случае необходимости – помочь им с поиском жилья. С. С. Коэн вернулся в Раманашрам прямо перед моим приездом. После *махасамадхи* Бхагавана он двадцать лет практиковал гомеопатию в Веллоре.

Были также и другие преданные, жившие за пределами ашрама в своих собственных домах. Я уже упоминал Люсию Осборн и Садху Натанананду. Фероза Талейяркхан и Рода Макивер владели большими домами, в которых часто гостеприимно принимали преданных. Садху Ом жил в своей усадьбе, где сейчас находится святилище с его *самадхи*, посвящая большую часть своего

времени редактированию и переводу или комментированию трудов Бхагавана и Муруганара. Аннамалай Свами уединённо жил в Палакотту, и его никогда не видели где-либо ещё.

Некоторые жители Раманашрама были детьми тех преданных, которые при жизни Бхагавана были постоянными работниками ашрама. Среди них был свами по имени Джагадиш, гуджарати по национальности, который в 1940-х гг. приходил к Бхагавану вместе со своим отцом. Тогда Джагадиш не особо интересовался Бхагаваном, однако с 1950-х гг. он начал наверстывать упущенное, став серьёзным *садху* и подражая физическому образу жизни Бхагавана. Из одежды он стал всегда обходиться одной лишь набедренной повязкой и в течение многих лет жил во всех тех местах на горе, где в разное время жил Бхагаван. Он покинул этот мир в 1980-х гг. во время медитации в своей комнате. Ещё одним преданным, принадлежавшим ко второму поколению преданных, был профессор Рамачандрайя, учёный-историк на пенсии, который был также зятем Мунагалы Венкатарамайи. Он занимал одну из частей дома Осборна. В другой части этого дома жил Дораб Фрамджи, парс по происхождению, чей отец был постоянным посетителем Бхагавана в 1930-х и 1940-х гг. Чандрашекар, сын человека, упоминаемого в книгах ашрама как «Коломбо Рамачандрян», жил в ашраме и руководил отделом упаковки книг. Ну и конечно, среди преданных были члены семьи самого Бхагавана. Его племянник Венкатараман был президентом ашрама, а его внучатый племянник Ганешан контролировал большинство направлений повседневной жизни ашрама.

Не всем преданным, построившим себе дома в 1940-х гг., удалось передать свою любовь к Бхагавану последующим поколениям своих родных. Когда Нарайяна Айяр и доктор Хафиз Съед ушли из жизни, их дома были либо проданы, либо отданы в аренду, поскольку никто из членов их семей не захотел жить в Тируваннамалае.

Все те люди, которых я упомянул, знали Бхагавана лично и в середине 1970-х гг. жили в ашраме или рядом с ним. И было также множество других людей, которые, как и при жизни Бхагавана, продолжали приезжать в ашрам на несколько дней, когда бы у них ни появлялась такая возможность. Некоторые из них, такие как Т. М. П. Махадеван, Сури Нагамма, Баларам Редди и К. К. Намбиар, известны современным преданным благодаря своим книгам о Бхагаване и его учении. Т. М. П. Махадеван часто приезжал с членами греческой и иногда испанской королевских семей, которые стали преданными благодаря знакомству с Махадеваном и Свами Раджесваранандой. В Раманашраме даже имелась длинная красная ковровая дорожка, которую разворачивали в столовой, чтобы монаршие особы могли на ней сидеть во время приёма пищи. Индира Ганди, много лет занимавшая пост премьер-министра Индии, тоже время от времени посещала ашрам. Правда, она никогда не задерживалась надолго. Она проводила какое-то время в старом холле и иногда оставалась обедать. Когда она покидала ашрам, её правительственный вертолёт совершал быструю *прадакшину* вокруг Аруначалы.

Несмотря на то, что я был знаком с большинством из этих старых преданных, я не могу сказать, что с кем-то из них я был особенно близок. Мне нравилось их общество, со многими мне приходилось приятно беседовать, но

нельзя сказать, что среди них у меня были близкие друзья. Те преданные, к которым я тянулся постоянно и с которыми у меня установилась прочная связь, появились в моей жизни позднее. Это были Лакшмана Свами, Аннамайя Свами и Пападжи.

Один из ваших вопросов прозвучал так: «Отличалась ли как-то тогдашняя жизнь в ашраме от теперешней?» И я должен сказать: «да». Она немного отличалась в лучшую сторону. Все те люди, с которыми я регулярно общался в то время, были здесь ради Бхагавана. В наши дни сотни посетителей приезжают сюда на выходные, праздники и в прохладные зимние месяцы, однако похоже, что всё меньше и меньше людей посещает это место из-за Бхагавана. Ашрам и его окрестности регулярно наводняют туристы и любители достопримечательностей, однако даже те люди, которые приезжают сюда с духовными целями, часто идут за другими учителями, для которых Тируваннамалай является местом временного пребывания. Сейчас я бываю приятно удивлён, встречая новых людей, рассказывающих мне о том, что здесь они находятся исключительно из-за Бхагавана и его учения. Я рад, что Аруначала привлекает сюда так много людей, однако я скучаю по чувству единства, единой цели, присутствовавшему здесь в первые годы моей жизни в этом месте.